

СОДЕРЖАНИЕ

КРОВЬ ЗАВОЕВАТЕЛЯ 9

ГЛОССАРИЙ 637

Сира

В племенах из пустыни говорят, что еще до начала времен родился джинн с одиннадцатью огненными рогами, взобрался на кольцо седьмого неба и, преисполнившись загадочной первобытной яростью, швырнул на землю тысячу и одну жемчужину. Тысяча жемчужин сгорела по пути к земле и превратилась в звезды, до сих пор сияющие на небосклоне. Лишь одна жемчужина упала, и из нее возник город Кандбаджар.

И сейчас этот город осадил мой брат. С высокого дворцового балкона я смотрела по другую сторону окружающих город желтых стен, на разноцветные юрты, усеивающие пустыню, поросшую редким кустарником. Думаю, кандбаджарским летом осаждающим было жарковато в юртах — под палящим солнцем те превратились в печи. Пастбища у реки и ее протоков, хотя и плодородные, не могли прокормить десятки тысяч боевых коней, которых воины привели с собой. Но это их не остановило. Мало что могло остановить воинов-силгизов, когда они нацеливали свои стрелы, пусть даже

эта мишень — столица самого богатого и могущественного царства на востоке.

Как и у Кандбаджара, мое происхождение тоже окружено легендами. Все началось с того, что мы с братом теснились в юрте, укрывшись колючим, побитым молью одеялом. Я позволила брату доесть последние куски конины, зная, что отец будет оплакивать его смерть горше, чем мою. Ведь он — наследник рода каганов, берущего начало еще во времена Темура, а я — нескладная дочь; и теперь у меня болел живот от протухшего бульона, который я съела вместо мяса. Мы держались за руки и изо всех сил сопротивлялись жуткой зиме Пустоши. Потом мы прижались друг к другу, и его костлявое колено уперлось мне в живот, усиливая боль. Тем не менее я была рада любому теплу, поскольку все тело одеревенело от холода.

Ветер с завыванием обрушивался на все восемь стен, и вскоре моему брату придется выйти, чтобы вбить колья покрепче, иначе юрту снесет. Правда, накануне он чуть не отморозил пальцы ног, его спасли только последние угольки в жаровне. И чтобы уберечь нас вместе с младшим братиком, лежащим в костяной колыбели, я закрыла глаза и молилась.

Воспоминания меня взбудоражили. Неужели я и впрямь так жила до того, как оказалась в настоящем раю — Кандбаджаре?

— Сегодня неподходящее время для воспоминаний, — втолковывал мне шах Тамаз час назад в тронном зале. — Ты как мост из песчаника, соединяющий нас с силгизами, — сказал он, как всегда, с широкой добродушной улыбкой на лице, сидя с прямой спиной на золотой оттоманке.

Я поклонилась и ответила:

— Скорее я... заброшенный на восемь лет мост, потому что казначею плевать на людей, живущих по ту сторону... Но я поняла, о чем вы, ваше величество.

Я доехала в экипаже до городских ворот. Как я и просила, там меня ожидала боевая лошадь. Седло было из овчины, с тонкими, как проволока, железными стремянами. Я погладила лошадь по голове, та фыркнула и взбрыкнула. Это была типичная кобыла из Пустоши — чуть крупнее пони, со стройными ногами и легкими копытами, едва приминавшими траву. В этом городе, в окружении мраморных дворцов, мощеных улиц и огромных глинобитных домов, она смотрелась инородным телом. Но если я буду скакать на такой лошади, силгизы, возможно, признают меня за свою.

Сверкающие золотом воины-гулямы, стоявшие на страже, подняли решетку ворот, и я галопом помчалась к лагерю силгизов. Я научилась этому раньше, чем ходить, как говорится в легендах, хотя я уже много лет не ездил верхом. Судя по тому, как стремительно я неслась против ветра и как естественно чувствовала себя в высоком седле, я готова была в это поверить.

Пока я скакала к морю юрт, меня разглядывали силгизы. В среднем они были ниже аланийцев ростом. Они ухаживали за кобылами и пили их молоко, в то время как аланийцы пили молоко верблюдов, некоторые из которых были размером со слона. Мне кажется, в Кандбаджаре я немного подросла, хотя мне уже исполнилось пятнадцать, когда я прибыла в город.

Вокруг меня люди таскали воду в бурдюках из лошадиных шкур, а другие закаляли сталь над жаровнями, и лязг их молотков сливался в идеальный ритм с гортанным и резким силгизским языком.

Овцы, козы, коровы и верблюды жевали фрукты, зерно и даже камыши, растущие вдоль каналов, змеящихся из реки Вограс. Я представила, что последует за этим пиром: холод, обглоданные кости и отчаяние.

Крепкие, хотя и невысокие мужчины с аркебузами в руках охраняли внушительную, залитую солнцем юрту в центре лагеря. Я спешила, смахнула пыль с шелкового кафтана и поправила шляпу с плюмажем. В голове пронесся миллион мыслей: кто ждет меня в юрте? Что они обо мне подумают? И самое главное — скажут ли, чего хотят?

— Меня зовут Сира, я дочь кагана Ямара, — сказала я по-силгизски узкоглазому стражу с похожими на крылья усами. Я не узнала его — племя сильно увеличилось с тех пор, как меня забрали, и большая часть лиц была мне незнакома. — Я пришла на переговоры от имени Селуков Аланыи и его величества шаха Тамаза Аланийского.

Он поднял голову, посмотрев на меня, и жестом пригласил войти через полог юрты.

Внутри все было в простом силгизском стиле. В центре заполненный льдом очаг едва спасал от зноя. Вокруг него на одеялах из овчины сидели мужчины и женщины и передавали по кругу трубку, выдолбленную из ветки. В воздухе висела густая вонь опиума. В наших ритуалах использовались грибы и опиум, чтобы заглянуть за Врата в то царство, где ждут Просвещенные.

С помоста в дальнем углу на меня смотрело знакомое лицо. Теплые и желтые, как у волка, глаза. После восьми лет разлуки брат казался одновременно и незнакомцем и мальчишкой, которого я так хорошо знала. В моих глазах проступили слезы, я с трудом их удерживала. Мне так хотелось его обнять. Хотелось зарыдать в его объятиях, расспросить про

отца, маму и малыша Бетиля. Но брат встал и бросил на меня холодный взгляд сверху вниз.

— Джихан, — сказала я.

— Сира, — отозвался он таким тоном, словно мое имя обожгло ему желудок.

Когда он приблизился, я задрожала. Он опустил тяжелую руку мне на плечо и притянул к себе. Мы наконец обнялись, я коснулась его груди и больше не могла сдерживать слезы. Когда мы расстались, брат был тощей, как коза, а теперь, похоже, мог бы разорвать козу голыми руками. На меня нахлынули воспоминания, наполненные теплом и холодом.

— Это правда, что... отец погиб, убегая с поля боя со стрелой в спине? — спросила я.

В тот день аланийцы устроили праздник, избавившись от занозы в заднице, хотя на ее месте уже возникла другая.

Джихан сжал мне щеки, изучая лицо, как будто моя внешность удивила его не меньше, чем его внешность меня.

— Аланийцы и йотриды лгут. Отец пал с честью. Стрела и правда вошла ему в спину, но он отступал, только чтобы заманить врага в ловушку. С тех пор матушка не поднимается с постели, и, как мне сказали, душа уже покинет ее тело к моему возвращению. А малыш Бетиль... Хотел бы я рассказать что-нибудь более обнадеживающее, но он подхватил оспу и вернулся к Лат.

Я задохнулась от горя и рыданий. Бетиль тоже умер? Матушка прикована к постели? Мне хотелось расспросить и о других — тетушках, дядях и кузенах, — но какое это теперь имело значение? Для меня они все равно что мертвы, ведь я никогда их больше не увижу. Однако теперь передо мной

стоял брат, вдвое шире в плечах, чем в моих воспоминаниях. Зрелый мужчина. Каган, как и наш отец. И осаждают город, в котором я была заложницей восемь лет.

— Почему ты здесь? — спросила я, борясь со слезами.

Хотя мы обнялись и разговаривали о родных, между нами все еще стояла стена холода, а шах просил меня поспешить и оставить воспоминания на потом.

— Дорогая сестра, думаю, ты сама прекрасно знаешь, какие преступления совершили против нашего племени, против силгизов те, кто тебя захватил.

— Но шах Тамаз заверил меня, что не опустошает земли силгизов.

— Не опустошает?

Джихан хмыкнул и покачал головой.

Собравшиеся в юрте засмеялись, по-прежнему передавая по кругу трубку. И тут я узнала того, кто смеялся громче всех — Гокберк, мой жестокий кузен, который однажды сломал щенку шею ногой ради забавы. Теперь его щеку пересекал шрам, и в бороде зияла прореха. А еще он лишился уха.

— Мы больше не овцы, которых можно доить, стричь и резать, как было при нашем отце, — сказал Джихан.

Конечно, я слышала о битвах, которые выиграл мой брат, о захваченных им землях. При нем силгизы процветали, но набраться смелости, чтобы осадить Кандбаджар, жемчужину в короне Алании...

— О каких преступлениях ты говоришь? — спросила я.

Лысый здоровяк схватил мешок и протянул моему брату. А тот высыпал на пол содержимое. К моим ногам покатались головы. Головы!

По моей лодыжке скользнуло изуродованное, наполовину разложившееся лицо. Над глазом выпирал острый скол. Из черепа выполз червь. Я попятилась к выходу и чуть не сбежала, но все же вовремя остановилась.

— Вот так шах Тамаз заплатил трем нашим всадникам, которых мы послали торговать специями и мехами, — сказал Джихан.

— Не может такого быть! — я затрясла головой и постаралась не дышать, чтобы не нюхать трупную вонь. — Шах — порядочный человек. Добрый латинин. Он не стал бы убивать без причины.

Джихан протянул мне пергамент. На восковой печати виднелся аланийский симург — эмблема шаха.

«Расплата за ваши грехи» — вот и все, что было там написано на парамейском. С превосходными завитками на концах букв и четким, уверенным почерком. Работа личного писца шаха или хорошая имитация.

— Разумеется, это фальшивка, — сказала я, проглотив поднимающуюся из желудка рвоту. — Я восемь лет прожила под защитой шаха. Он не станет платить грехом за грех. Головами за головы.

К щекам Джихана прилила кровь, и на них образовались ямочки. Когда-то я подшучивала над ним за то, что в гневе он становится таким красавчиком. Но сейчас на меня сурово смотрел грозный воин, а вовсе не красавчик.

— Эти люди не согрешили, — сказал он. — Даже заявлять об этом...

— Я не хотела сказать ничего такого! — Я взяла его мозолистые ладони, вспомнив, что в Пустоши следует следить за словами, в отличие от Аланьи, где можно говорить что вздумается. — Ты пришел сюда отомстить, я поняла.